

А здесь жил Мельц. Душа, как говорят...
Все было с ним до армии в порядке.
Но, сняв противоатомный наряд,
он обнаружил, что потеют пятки.
Он тут же перевел себя в разряд
больных, неприкасаемых. И взгляд
его померк. Он вписывал в тетрадки
свои за препаратом препарат.
Тетрадки громоздились.

В темноте
он бешено метался по аптекам.
Лекарства находились, но не те.
Он лыстил и переплачивал по чекам,
глотал и тут же слушал в животе.
Отчаивался. В этой суете
он был, казалось, прежним человеком.
И наконец он подошел к черте
последней, как мне думалось.

Но тут
плюгавая соседка по квартире,
по виду настоящий лилипут,
взяла его за главный атрибут,
еще реальный в сумеречном мире.
Он всунул свою голову в хомут,
и вот, не зная в собственном сортире
спокойствия, он подал в институт.
Нет, он не ожил. Кто-то за него
науку грыз. И не преобразился.
Он просто погрузился в естество
и выволок того, кто мне грозился
заняться плазмой, с криком «каково!?»
Но вскоре, в довершение всего,
он крепко и надолго заразился.
И кончилось минутное родство
с мальчишкой. Может, к лучшему.

Он вновь
болтается по клиникам без толка.
Когда сестра выкачивает кровь

из вены, он приходит ненадолго
в себя — того, что с пятками. И бровь
он морщит, словно колется иголка,
способный только вымолвить, что «волка
питают ноги», услышав: «Любовь».